

— Да, именно так, — закивал толстячок, и на его лице застыла странная, блаженная улыбка.

Чи Мянью молча наблюдал за ним пару секунд, а затем внезапно позвал Систему:

— Система, согласно описанию телосложения главного героя в книге, не сойду ли я с ума, встретившись с ним? Не потеряю ли я рассудок, как и все остальные?

У него не было ни малейшего желания становиться безмозглым фанатом, а тем более — вступать в ряды одержимых преследователей главного героя оригинальной истории.

Система ответила:

— Нет. Параметры главного героя действуют только на персонажей книги. Ты — пришелец, и по идее не должен поддаваться влиянию, если только сам не позволишь его внешности себя одурачить.

Чи Мянью выдохнул с облегчением и твердо произнес:

— Это исключено.

Стать очередным поклонником Томиэ? Достаточно было просто представить последствия, чтобы понять, чем это закончится. Он ни за что не собирался ввязываться в эту грязную историю, полную неприятностей.

— Дзынь-дзынь!

Начался урок.

Куратора, о котором упоминал толстячок, звали У Фэн. Имя звучало утонченно, но сам он выглядел довольно грубо — Чи Мянью, увидев его впервые, невольно подумал, что тот похож на Ли Куя.

Едва взойдя на кафедру, куратор с грохотом ударил по ней ладонью и завел свою бесконечную шарманку, которую, казалось, повторял уже сотни раз:

— Не думайте, что раз вы поступили в университет, то теперь можно расслабиться. Не думайте, что можно делать что вздумается и прогуливать занятия. Хотя вы уже студенты, учиться всё равно необходимо. Иначе как вы потом найдете работу? Вы же знаете, насколько сейчас сурова ситуация на рынке труда. Если не будете постоянно совершенствоваться, вас очень быстро выбросит за борт социальной волны. Посмотрите на себя...

Грозный куратор на кафедре распинаясь с таким жаром, что студенты внизу начали отвлекаться. Время тянулось медленно, и, видя, что наставник не собирается заканчивать свою

проповедь, сонный Чи Мянь уже начал прикидывать, в какой позе лучше всего вздремнуть тайком.

Но тут в дверь внезапно постучали — звонко и отчетливо.

— Тук-тук-тук.

Раздался мягкий, чистый мужской голос:

— Извините, я немного опоздал. Можно войти?

Как только голос за дверью стих, студенты, которые до этого сидели тише воды, ниже травы, разом вскинули головы. Они вытянулись, как наэлектризованные, вытянув шеи так сильно, будто мечтали высунуть голову в коридор, чтобы получше разглядеть вошедшего.

Куратор, только что метавший громы и молнии, внезапно осекся. Из раздраженного, готового сожрать каждого встречного мужчины в период менопаузы он в мгновение ока превратился в добродушного и понимающего педагога средних лет.

Он заулыбался и замахал рукой в сторону двери:

— Проходи, проходи! Это же Юнь Шу, верно? Входи скорее, урок еще официально не начался.

Чи Мянь, ставший свидетелем этой метаморфозы, лишь молча подумал: «Ну надо же».

— Хорошо, — ответил вошедший с легкой, едва уловимой улыбкой в голосе.

Чи Мянь тоже взглянул на дверь: ему было любопытно, что же это за божественное создание — главный герой, от которого все вокруг теряют голову. Хотя его любопытство было не таким уж сильным, всё же этот человек был ключевой фигурой, от которой зависело его будущее. Что ж, стоило взглянуть.

Вошедший был высок и статен, с сумкой через плечо и в опрятной форме, однако воротник был расстегнут, а галстук повязан небрежно, обнажая полоску белоснежной кожи на шее. Из-под густой челки черных волос смотрели лисьи глаза с приподнятыми уголками, а на тонких алых губах играла мягкая, едва заметная улыбка.

Особенно выделялась маленькая красная родинка под правым глазом — она придавала этому нежному и светлому юноше оттенок необъяснимой, пугающей красоты.

Пока остальные студенты тянулись вперед, Чи Мянь внимательно разглядывал главного героя. Короткие черные волосы, глубокие, как бездна, зрачки, томные лисьи глаза, соблазнительная красная родинка под глазом и неестественно яркие губы...

Чи Мянь прошептал Системе:

— Не зря он главный герой с телом Томиэ. Внешность подобрана прямо в точку.

Система ответила:

— Это естественно. В некотором смысле он и есть Томиэ этого мира.

Чи Мянь:

— Неудивительно, что все вокруг так сходят с ума.

Томиэ — само это имя было проклятием, проклятием, от которого невозможно сбежать.

Хотя все, казалось, боялись грозного куратора, сейчас, желая получше рассмотреть Юнь Шу, студенты так плотно обступили его, что задвинули преподавателя в самый дальний угол.

Глядя на нахлынувшую толпу, Юнь Шу, словно не замечая их неистового фанатизма, слегка склонил голову и с долей наигранной досады произнес:

— Вы так добры, что я, кажется, не могу пройти к своему месту.

Стоило ему это сказать, как студенты, еще минуту назад готовые на всё ради него, в мгновение ока вернулись на свои места и вытянулись по струнке. Однако их пылающие взгляды по-прежнему были прикованы к Юнь Шу: куда бы он ни шел, их головы поворачивались вслед за ним.

Картина была по-своему пугающей.

Сам герой, казалось, ничего не замечал. С мягкой улыбкой на губах он неспешно подошел к свободному месту, придерживая одной рукой лямку сумки.

Чтобы Юнь Шу не заподозрил неладное и не обратил на него лишнего внимания, Чи Мянь с того самого момента, как студенты расселись, старался слиться с общей массой. Они поворачивали головы — он поворачивал. Они неотрывно смотрели на Юнь Шу — Чи Мянь делал то же самое.

Хотя с самого появления Юнь Шу держался очень мягко, Чи Мянь знал: это лишь маска. Несмотря на слова извинения, в его глазах не было ни капли раскаяния, а вопрос, который он задал, звучал как приказ, не требующий отказа. Как бы хорошо он ни притворялся, в его взгляде постоянно сквозило высокомерие.

А может, он и не особо старался притворяться. Стоит ли утруждать себя маскировкой перед людьми, которые и так потеряли рассудок?

Увидев, что Юнь Шу, заняв место, вежливо кивнул ему, куратор прокашлялся и произнес:

— Так, всё, успокоились. Хватит болтовни. Достали учебники, убрали телефоны, подняли головы. Начинаем урок.

Хотя остальным очень хотелось продолжать смотреть на Юнь Шу, они понимали, что мешать ему нельзя, поэтому неохотно поправили телефоны и, подняв головы, приготовились слушать.

Чи Мянью тоже отвел взгляд от Юнь Шу и медленно, не торопясь, достал откуда-то из-под парты учебник. Он не удержался и еще пару раз скользнул взглядом по Юнь Шу, который сидел в первом ряду и делал вид, что внимательно слушает. Его взгляд вдруг замер, и он постучал по Системе:

— Что это за красное пятнышко у него на воротнике?

Система ответила честно:

— Кровь.

— Кровь? — переспросил Чи Мянью. — Его собственная или чужая?

Система:

— Его собственная.

Чи Мянью недоумевал:

— Но он не выглядит раненым.

Система:

— У Юнь Шу мощная регенерация. Скорее всего, рана уже затянулась.

Чи Мянью задумчиво кивнул, а затем спросил:

— Ты знаешь, где он пропадал последние несколько дней? Это как-то связано с основным сюжетом?

Система ответила:

— Он отсутствовал, потому что защищал город Луаньду от других «Юнь Шу». С основным сюжетом это не связано.

Чи Мянью опешил:

— Защищал других Юнь Шу?

Система пояснила:

— Они крайне высокомерные существа. Каждый из них считает себя истинным телом, а остальные — лишь подделки, созданные из его плоти и крови. У них очень развито чувство территориальности. Если позволить другим «подделкам» разгуливать на своей территории, это для них — личное оскорбление и признак собственной слабости.

Чи Мянь:

— Если каждый считает себя настоящим, как они определяют, чья это территория?

Система:

— Всё просто. Кто выжил — того и территория.

Чи Мянь, вертевший в руках кончики пальцев, замер:

— Закон джунглей?

Система:

— Можно сказать и так. Таков закон выживания в их кругу. Кто оказался способен дожить до конца, тот и победитель.

— Понятно, — кивнул Чи Мянь. — Значит, тот Юнь Шу, что сидит сейчас в классе, вполне может быть не тем, что был пару дней назад?

Система:

— Возможно. Но неважно, тот это Юнь Шу или другой — они все Юнь Шу, одна и та же сущность, просто разной степени свежести.

Чи Мянь: «...» От этого описания он совсем не кажется человеком.

Хотя, с другой стороны, можно ли вообще назвать Юнь Шу настоящим человеком?

Время пролетело незаметно, первый урок закончился, и наступил десятиминутный перерыв.

Как только куратор вышел из класса, обстановка взорвалась. Студенты тут же облепили место Юнь Шу. Хотя им хотелось прижаться к нему вплотную, они всё же соблюдали дистанцию, оставляя вокруг него некое подобие вакуума.

Юнь Шу, кажется, был брезглив: он не любил, когда к нему приближались, и терпеть не мог

физических контактов — ни с мужчинами, ни с женщинами. Студенты это знали и не рисковали вызывать его гнев. Они щебетали, перебивая друг друга, расспрашивая, что случилось за эти дни и не нужна ли ему помощь. Когда Юнь Шу ответил, что просто болел, они с новой силой принялись засыпать его заботой.

Юнь Шу, окруженный плотным кольцом людей, продолжал улыбаться той же мягкой улыбкой, лишь слегка опустив ресницы, и лениво отвечал на вопросы.

Понаблюдав за ним некоторое время, Чи Мянь вдруг бросил:

— Ему скучно.

— ? — Система не поняла. — Но он же улыбается?

— Вот поэтому ты — всего лишь машина, — Чи Мянь достал откуда-то конфету, развернул её и положил в рот, подтолкнув языком за щеку. Он поднял взгляд на Юнь Шу: — Его рука на столе постоянно выстукивает ритм. Улыбка на губах есть, а в глазах — ни капли веселья. Ему просто скучно.

Система изумилась:

— Как ты это понял?

Чи Мянь, собираясь выбросить фантик, небрежно ответил:

— Моя специальность — прикладная психология.

Пока у Чи Мяня и Системы царил мир и покой, у Юнь Шу события развивались одно за другим. Не прошло и двух минут, как там снова начался переполох. Видя, что ситуация накаляется, а Юнь Шу в центре этой суеты выглядит озадаченным, Чи Мянь решил спросить у соседки:

— Что там происходит?

Студентка, к которой он обратился, посмотрела на него с удивлением:

— Тебе что, совсем не интересно, что происходит с Юнь Шу?!

Чи Мянь: «...»

Он прикусил губу и смущенно пробормотал:

— Я только что выходил, не слышал.

— Понятно, — кивнула девушка и, вытянув подбородок в сторону Юнь Шу, с презрением в голосе добавила: — Опять объявился кто-то, кто не знает своего места, и решил признаться ему

в любви. И ведь не стыдно! Посмотрел бы на себя — такой урод, а туда же, к Юнь Шу лезет! — она закатила глаза, полная негодования.

Другие студенты, услышав их разговор, обернулись, и в их глазах читалось такое же отвращение:

— И не говори! На прошлой неделе тоже кто-то признавался. Жаль, не знаем, кто именно — Юнь Шу был так добр, что решил скрыть имя этого человека.

— И зачем только скрывать? Раз хватило наглости признаваться, пусть будет готов к тому, что его ославят.

Чи Мянью захлопал ресницами и медленно спросил:

— А зачем их ругать?

Хотя девушка не видела лица Чи Мянью, скрытого длинной челкой и очками, она обратила внимание на его тонкие, ухоженные пальцы на столе и мягкий, приятный голос. Она решила просветить его:

— Конечно, надо ругать! Юнь Шу принадлежит всем нам. Эти жабы возомнили, что могут заполучить лебедя, — как тут не ругать?

Чи Мянью: «...» Только за признание в любви — и сразу ругать?

Кажется, он начал по-настоящему осознавать абсурдность этого мира.

Взглянув в центр внимания, он указал на стоящего неподалеку парня в очках в серебряной оправе, который выглядел довольно симпатично, и спросил девушку:

— Это он? Хотя он не то чтобы очень красив, но... вряд ли он похож на жабу, верно?

— Кто? — девушка, обсуждавшая что-то с подругой, приподнялась на носочках.

Чи Мянью указал на парня:

— Он.

— А, этот... — понимающе протянула девушка. — Нет, это не он. Это Шэнь Янь, отличник с соседнего потока. Наверное, тоже пришел поглазеть. А вот тот невысокий парень рядом с ним — это и есть та самая жаба.

Чи Мянью посмотрел туда, куда она указывала. Что ж... преувеличения не было. Тот парень действительно выглядел неприятно, даже уродливо, напоминая ожившую сухую палку. А на фоне Юнь Шу, который выглядел настолько прекрасно, будто был нарисован в другом стиле,

контраст был просто ошеломляющим. Красота казалась еще более неземной, а уродство — еще более отталкивающим. Это напоминало сцену из «Красавицы и чудовища» или историю про лебедя и жабу.

Но, похоже, парень этого совсем не понимал и с уверенным видом продолжал что-то нашептывать Юнь Шу.

— Странно, — пробормотала девушка рядом. — Шэнь Янь ведь обычно такой холодный и отстраненный, не любит участвовать в подобных сценах. Почему он пришел сегодня?

Шэнь Янь?

Чи Мянй задержал на нем взгляд еще на пару секунд.

В этот момент Юнь Шу что-то ответил, и хотя отвергнутый парень сохранял всё ту же самодовольную, сальную улыбочку, лицо стоявшего рядом Шэнь Яня внезапно побледнело.

Это невольно вызвало у Чи Мянй любопытство.

Что же он ему сказал?

<http://bllate.org/book/21484/2198768>